

*МИНГАТИ Адальджиза, профессор русского языка и русской литературы при институте гуманитарных наук Университета Тренто (г. Тренто, Италия). Автор 45 научных публикаций**

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ТРАНССИБИРСКОЙ МАГИСТРАЛИ: «СИБИРСКИЙ ТЕКСТ» В ИТАЛЬЯНСКИХ ТРАВЕЛОГАХ

Настоящая статья посвящена анализу 9 книг итальянских писателей, журналистов и путешественников, совершивших тур по Транссибирской магистрали в период между концом 1970-х годов и началом 2010-х. Анализ, при проведении которого учитывались основные лексико-стилистические и повествовательно-композиционные параметры, относящиеся к жанру травелога, показывает, как на формирование образа Сибири у итальянских путешественников в значительной мере повлияла так называемая мифологема Сибири (В.И. Тюпа), т. е. тот комплекс культурных архетипов и образных представлений, которые на протяжении веков плодотворно развивались в русской культуре и литературе. Кроме частых ссылок на произведения русских писателей (Ф. Достоевского, Б. Пастернака, А. Солженицына, В. Шаламова и т. д.), соотносимых с Сибирским текстом русской литературы, можно выделить целый ряд концептуальных категорий и лексических выражений, а также предрассудков и клише, связанных с восприятием сибирского пространства. В данном исследовании понятие «Сибирский текст» используется в отношении итальянской литературы и культуры. Действительно, в формировании представлений о Сибирском регионе важную роль в современной итальянской культуре играют научно-популярные газеты и журналы конца XIX – начала XX века, где нашли отражение подвиги географических экспедиций и путешествия в далекие страны, а также приключенческая проза того времени: сибирская степь и разнообразный пейзаж огромной России становятся экзотическим сценарием нескольких романов и рассказов, опубликованных в начале XX века. Самым популярным и плодотворным итальянским писателем в этом жанре является Э. Салгари. Стоит отметить, что «Сибирский текст» в итальянской литературе «пропитан» мифом о строительстве Транссибирской магистрали, давшим толчок к созданию «Раковины Анатая» – романа К. Сгорлона, сюжет которого основан на реальных перипетиях фриулианских рабочих, участвовавших в строительстве Трансбайкальского участка железной дороги.

Ключевые слова: итальянский травелог, Сибирский текст русской литературы, миф о Транссибирской магистрали.

*Адрес: Università degli Studi di Trento Dipartimento di Lettere e Filosofia Via Tommaso Gar, 14, 38122 Trento Italia; e-mail: adalgisa.mingati@unitn.it

Для цитирования: Мингати А. Путешествие по Транссибирской магистрали: «Сибирский текст» в итальянских травелогах // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 5. С. 82–91. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.5.82

«Сибирский текст» в итальянской литературе и культуре. Сибирь – это не только историко-географическая и политико-административная реальность, но также сложное ментальное явление, характеризующееся подвижными, трудно определяемыми границами [1, с. 82], место «воображаемой географии», порожденной образами и текстами, нередко связанными с архетипическими моделями, с тем материалом, из которого образуются мифы. Во всем мире географическое название «Сибирь» ассоциируется с самыми низкими температурами на планете, с неизмеримым, малонаселенным и не всегда гостеприимным пространством, в недалеком прошлом – с бывшим местом каторги и ссылки, а значит, землей огромных человеческих страданий. В то же время это название напоминает о грандиозных и нетронутых природных богатствах, неисчерпаемых запасах сырья, а также разнообразном культурно-антропологическом ландшафте, являющемся результатом долгого пути, начавшегося в предыстории и свидетельствующего об исключительных способностях адаптации человека к климату и окружающей среде.

В последние 20 лет гуманитарные науки в России изучают тот комплекс идей, представлений и ассоциаций, которые порождены в сознании русских образом сибирского макрорегиона, – идей и представлений, с первых десятилетий XIX века нашедших отражение в периодических изданиях и литературных произведениях, а также рассказах о путешествиях и отчетах о географических экспедициях. В результате анализа такого широкого и разнообразного материала формируется образ Сибири как «другой России», т. е. территории с особой социально-культурной, этнографической и антропологической идентичностью – другой в сравнении с европейской частью страны; региона, о котором «европейские русские» чаще всего мало знали, оставаясь в плену стереотипов и предрассудков [2].

Как известно, представления о Сибири отражены в некоторых шедеврах русской литературы XIX века, что позволяет критикам справедливо говорить о Сибирском тексте русской литературы [3, 4], т. е. о семантически и лингвистически когерентном комплексе произведений, характеризующихся общей пространственной и культурно-исторической ориентацией [5; 6, с. 365–366]. Пронизанный архетипическими моделями, возводящими «изменчивую социополитическую реальность к незыблемой инстанции мифа» [7, с. 76], «Сибирский текст» представляет нам двойную интерпретацию образа Сибири, колеблющуюся между положительным и отрицательным полюсами: с одной стороны, это своего рода чистилище, проходя через которое человек осуществляет своеобразный ритуал инициации, приобретая новый социальный и духовный статус. С другой стороны, Сибирь выглядит как «обетованная земля», мифическое пространство утопии более справедливого, эгалитарного общества, о котором в XIX веке мечтали беглые крестьяне, сектантские группы, а также некоторые политические реформисты [8, с. 334].

В отличие от Итальянского текста русской литературы и культуры¹ «Русский текст» в итальянской литературе находит свое полное выражение только в XX веке. Действительно, в начале прошлого века шедевры русской классики получают широкое распространение в Италии. Это приводит к тому, что после Первой мировой войны, а еще больше – после Второй русской культуры начинает активно воздействовать на творчество многих итальянских писателей [9, р. 702–703; 10]. Однако в отдельных случаях влияние русской литературы и культуры на итальянскую ощутимо и во второй половине XIX века, когда русские произведения становятся все более доступными благодаря увеличению числа переводов на итальянский язык, осуществленных по большей части еще на основе французских источников.

¹При засвидетельствованных уже в ранний период взаимных контактах дипломатов, путешественников и торговцев именно у русских впервые вызревает полная культурная идея Италии, способная с начала XVIII века значительно повлиять на русскую культуру и литературу [9, р. 689–690; 11; 12].

Что касается признаков раннего выявления «Сибирского текста» в контексте западной литературы, то довольно распространенный в Европе в период национально-освободительных движений первой половины XIX века сюжет «ссылка в Сибирь» в ряде случаев находит отражение в итальянской культуре благодаря переводу или – чаще всего – подражанию либо адаптации произведений французских писателей². Во второй половине XIX века в объединенной Италии происходит беспрецедентное развитие культуры и книжного рынка, в котором важнейшую роль играют научно-популярные газеты и журналы, обращенные к разнообразной аудитории, часто иллюстрированные. В некоторых из них представлены подвиги географических экспедиций (например, полярников) и путешествия в далекие страны – уникальный и притягательный материал, ставший своеобразным источником для представлений об огромном, «покрытом льдом и снегом» сибирском регионе.

В этот же период в Италии на фоне широкой популярности произведений Жюль Верна распространяется и пользуется огромным успехом приключенческий роман. Из журнально-публицистического материала интенсивно черпает информацию Эмилио Салгари (1862–1911) – самый популярный и плодовитый итальянский писатель в этом жанре. Сибирская степь и разнообразный пейзаж огромной России становятся экзотическим сценарием нескольких его

романов и рассказов, опубликованных в начале XX века³: в романах Салгари инсценирует перипетии депортированных в Сибирь за политические преступления, в то время как в центре рассказов – фигура сибирского охотника [13; 14, p. 182].

Огромный резонанс как в популярных, так и научно-технических периодических изданиях⁴ вызвал грандиозный инженерный проект по строительству Транссибирской магистрали, соединяющей тихоокеанское побережье с Европой. В финансировании и реализации данного проекта, как известно, приняли участие и европейские державы [15]. Смелость трансконтинентальных железнодорожных линий всегда была объектом определенного почтения и возвеличивания (как, например, в случае строительства железной дороги, сопровождавшего завоевание американского Запада) и разнообразно отражалась в современной мировой культуре [16, p. 30]. Эти великие сооружения создали невидимый, ментальный ландшафт, чей выразительный потенциал коренится не только и не столько в конкретных аспектах их реализации, но также в мифе, самой идее релевантности и грандиозности проекта.

Действительно, миф о Транссибирской магистрали со времени ее строительства стал прочно «питать» Сибирский текст итальянской литературы: например, в 1980-е годы он дал толчок созданию романа Карло Сгорлона «Раковина Анатая»⁵, где воскрешается эпопея

²См. роман Софи Коттен «Элизабет, или Сибирские изгнанники» («Élisabeth ou les Exilés de Sibérie», Paris, 1806; «Elisabetta ovvero Gli esiliati in Siberia», Milano, 1807), имевший необычайный успех и повлиявший на создание многочисленных ремейков и театральных представлений, в т. ч., по всей вероятности, и «трагической мелодрамы» Гаэтано Доницетти «Восемь месяцев за два часа, или Изгнанники в Сибири» («Otto mesi in due ore, ossia Gli esiliati in Siberia», 1827) [10, p. 701].

³См. романы «Ужасы Сибири» («Gli orrori della Siberia», 1900); «Дети воздуха» («I figli dell'aria», 1904); «Король воздуха» («Il re dell'aria», 1907); «Героиня Порт-Артура. Русско-японские приключения» («L'eroina di Port Arthur. Avventure russo-giapponesi», 1904); «Степные орлы» («Le aquile della steppa», 1907); рассказы «Охота в полярных морях» («Le cacce nei mari polari», 1895); рассказы 1901–1902 годов «Охотники на волков» («I cacciatori di lupi»), «Приключение в Сибири» («Un'avventura in Siberia»), «Во льдах Арктики» («Fra i ghiacci del polo artico»), «Лавины Урала» («Le valanghe degli Urali»).

⁴См. выпуски «Вестника Королевского географического общества» («Bollettino della Reale Società Geografica») и «Журнала общественных работ и железнодорожных путей» («Giornale dei lavori pubblici e delle strade ferrate») за первое десятилетие XX века.

⁵Sgorlon C. La conchiglia di Anataj. Milano: Mondadori, 1983. 358 p.

фриулианских рабочих, в конце XIX – начале XX века отправившихся в Сибирь, чтобы строить Трансбайкальский участок железной дороги. Травелоги, которые будут объектом нашего анализа, следует также поместить в культурный контекст, изложенный нами в общих чертах. Являясь предметом особого культа со стороны туристов всего мира, путешествие по Транссибу очень часто становится источником вдохновения для тех пассажиров, которые, чувствуя себя частью легендарного подвига, желают оставить свидетельство о личном опыте.

Сибирь и Транссибирская магистраль в итальянских травелогах. В пределах широкой и разнообразной гаммы книг, посвященных сибирским маршрутам, особое место занимают тексты, рассказывающие об опыте путешествия по Транссибирской магистрали – типе тура, способного предложить, по мнению путешественников, подлинное, захватывающее знакомство с местами, через которые проходит железная дорога⁶. Авторы книг о путешествии по Транссибирской магистрали – явно или неявно – дистанцируются от стереотипного образа «туриста» и берут на себя роль «путешественника»⁷, готового в отличие от первого преодолевать дискомфорт и неудобства во имя цели, более благородной, нежели простой «отпуск». На первый план выходит, таким образом, идея путешествия как «познавательного приключения», идея маршрута открытия не только дикой и первозданной природы, но и территории

со сложными культурно-антропологическими и социально-историческими корнями, идея уникального опыта, в котором путешественники отмечают для себя аспекты, связанные с персональным ростом и поиском себя.

В эпоху массового туризма, когда познавательное значение движения в пространстве подвергается сомнению [16; 17; 18, р. XIV–XV], намерение авторов восстановить ценностный заряд литературы о путешествиях показывает как бы стремление вернуться к просветительским истокам этого жанра⁸. Однако, что касается именно познавательного содержания проанализированных нами текстов, в большинстве случаев авторам не удается преодолеть разного рода стереотипы и предрассудки (к тому же они неизбежно передаются из книги в книгу благодаря широкой распространенности путевых заметок). С другой стороны, проведя анализ, мы можем утверждать, что именно Сибирский текст русской культуры и литературы является той подоплекой, на основе которой сформировались представления о Сибири, бытующие в итальянских травелогах.

Тексты, использованные в настоящем исследовании, включают в себя 9 книг итальянских писателей, журналистов или просто путешественников, совершивших тур по Сибири в период между концом 1970-х годов и началом 2010-х. А точнее, в 6 из 9 выбранных произведений фоном выступает Сибирь 2000-х годов⁹, в то время как остальные 3 текста¹⁰ относятся

⁶Путешествие поездом занимает важное место в мировой путевой прозе. История железнодорожного путешествия и «панорамное» восприятие заоконного пространства рассмотрены в фундаментальном исследовании Вольфганга Шивельбуша [17].

⁷*Morra M.* Transiberiana. Una via verso Est. Da Mosca a Pechino che bel viaggio è la vita per un viaggiatore... Roma: Robin, 2009. P. 116–117.

⁸*Morra M.* Op. cit.; *Buffa M.* Sulla Transiberiana. Sette fusi orari, 9200 km, sul treno leggendario da Mosca al mar del Giappone. Portogruaro: Ediciclo, 2010. 204 p.; *Cagnan P.* Con tutti i posti che ci sono... Cronache semiserie lungo la Transiberiana. Firenze: Vallecchi, 2009. 204 p.; *Castellina L.* Siberiana. Roma: Nottetempo, 2012. 184 p.; *Di Gangi D.* Siberia (in)contaminata. Pasion di Prato: Campanotto, 2010. 128 p.

⁹*Morra M.* Op. cit.; *Buffa M.* Op. cit.; *Cagnan P.* Op. cit.; *Castellina L.* Op. cit.; *Di Gangi D.* Op. cit.; *Gatti D.* Siberia. Terra addormentata. 2010. URL: <https://www.scribd.com/document/39282675/Siberia-Terra-addormentata> (дата обращения: 04.03.2018).

¹⁰*Pellegrino A.M.* In Transiberiana con Han, Kidane, Bemnet, Bashir. Pref. di G. Cusatelli. Roma-Viterbo: Stampa Alternativa, 1992. 122 p.; *Positano De Vincentiis F.* Tre donne sulla Transiberiana. In treno alla scoperta dell'Oriente. Barzago (Lc): Marna, 2006. 71 p.; *Salvatori N.* Siberia. Storie di frontiera al di là degli Urali. Vicenza: in edibus, 2014. 96 p.

к путешествиям, состоявшимся в последнее десятилетие существования СССР. Таким образом, выбранные тексты отражают два разных исторических этапа российской истории, что позволяет проследить перемены, произошедшие в условиях путешествия и в поведении как путешественников, так и местного населения¹¹.

В последние 20–30 лет путевой очерк стал объектом пристального внимания мирового литературоведения, пытающегося раскрыть долгий путь становления травелога и его место среди других литературных жанров. Традиционные литературоведческие понятия являются недостаточным подспорьем в определении жанровой специфики путевой прозы. Один из наиболее характерных элементов травелога – его открытость, т. е. стремление синтезировать в себе характеристики различных литературных жанров: от автобиографических до художественно-документальных [18, р. 4–5; 19, с. 281]. Однако свобода в использовании жанровых форм – как в отношении затронутых тем, так и стилистических приемов – не исключает наличия строгой композиционной организации текста [19, с. 279].

Одним из аспектов, который отмечают критики, анализируя путевую прозу, является как раз построение сюжета. Хотя в рассматриваемых текстах превалирует форма «дневника путешествия», т. е. рассказа следующего по маршруту, проложенному в данном случае железной дорогой, авторы применяют многочисленные вариации этой базовой схемы, чтобы соединить различные планы повествования.

Как в любых путевых заметках, в книгах о Транссибе постоянно переплетаются объективно-информативная (дотошное описание пейзажа, проплывающего за окошком поезда, и итоги посещения городов, расположенных вдоль Транссиба) и субъективно-эмоциональная (фиксация состояния души и ощущения момента) компоненты.

В ряду рассмотренных книг именно в «дневнике путешествия» с определенной регулярностью чередуются экскурсы в сферу культурно-исторических реалий и обычаев, диапазон и глубина которых, однако, представляются достаточно разнящимися. Да и способ введения указанного материала меняется каждый раз. Чаще всего чередуются главы двух типов: «описательный» фиксирует из раза в раз пройденный маршрут, увиденные и/или посещенные места; «комментирующий», отталкиваясь от какого-либо предмета или местного явления, стимулирует на историко-культурные размышления более широкого плана. Только в одной из рассмотренных книг сюжет рассказа совпадает с маршрутом в первых двух главах книги, а далее превалирует текстовая организация тематического характера, представляющая серию картин, посвященных различным моментам путешествия (наиболее привлекательные природные объекты; еда, которую можно купить во время путешествия; жилые помещения, где автору довелось останавливаться; вездесущие образы-символы, связанные с недавним коммунистическим прошлым и т. д.)¹².

Анализ повествовательной ткани травелогов подтверждает, что историко-культурная

¹¹Что касается плана путешествия, намеченного 9 авторами, 5 из них проследовало международным железнодорожным маршрутом, который, отклонившись от классического Транссиба в Улан-Удэ, проходит через Улан-Батор до китайской столицы. М. Буффа был единственным путешественником, проехавшим поездом по всему маршруту от Москвы до тихоокеанского побережья. Д. Ди Ганджи в отличие от других путешественников, отправившихся в поездку из Москвы, начал свое путешествие во Владивостоке и, приехав в Иркутск, проследовал через Монголию в Пекин. Ф. Позитано Де Винченчис, путешествие которой относится к 1980-м годам, является единственной, кто проехал железнодорожный участок маньчжурской магистрали до Пекина, а на обратном пути проследовал через Монголию. Выехавший из Милана Д. Гатти добрался до о. Сахалин, преодолев за два месяца общее расстояние приблизительно в 28 тыс. км, – исключительно по железной дороге. Авторы книг совершали путешествия по Транссибу в самые теплые месяцы года – с поздней весны до конца лета, лишь в одном случае были выбраны ноябрь и декабрь.

¹²*Buffa M. Op. cit.*

подготовка, проведенная авторами до отъезда (она зависела от их интересов и уровня образования), является неотъемлемым условием путешествия по Транссибу. Хотя в большинстве случаев невозможно распознать, по каким источникам (путеводителям, книгам по истории, географии, естественным наукам и др.) она осуществлялась. Частые ссылки на произведения русской и мировой литературы и цитаты из них, соотносимые с «Сибирским текстом», доказывают, что путешественник проецирует на этот фон главным образом собственное приключение из путешествия по Транссибу. Более всего цитируются следующие произведения: романы «Записки из Мертвого дома», «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы» Ф. Достоевского¹³, «Доктор Живаго» Б. Пастернака¹⁴ и лагерная литература, представленная произведениями «Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицына и «Колымские рассказы» В. Шаламова¹⁵. Из произведений других литературных традиций можно выделить «Михаила Строгова» Ж. Верна и «Раковину Анатая» К. Сторлона¹⁶.

Идеи и представления, что внесли свой вклад в создание образа Сибири и Транссиба в анализируемых текстах, имеют тесное родство с особым видением мира и восприятием пространства, которые характеризуют Сибирский текст русской культуры и литературы. Частые образы, предвосхищающие неопределенное будущее, благодаря своим мифическим характеристикам могут эффективно связываться с одним из двух семантических полюсов дихотомии «земля обетованная/земля проклятая».

Один из путешественников видит Сибирь как «недостижимый рубеж, как землю, не дающую себя завоевать, поскольку отчасти она соткана из мечты и обращена в будущее»¹⁷. Другой автор пишет: «Сибирь, в попытке освобождения от своего недавнего прошлого как места тюрьмы и ссылки, возвращает себе идею земли обетованной, пограничной земли, земли приключений и романтики...»¹⁸

Влияние русской культуры и литературы очевидно и в использованных авторами концептуальных категориях при представлении пространства, постоянно возникающего перед глазами путешественников по ту сторону «визуального экрана» – окна поезда. В пейзажных описаниях напряжение в моделировании сибирского пространства и в самом деле приводит авторов к довольно частому использованию понятий и выражений, характеризующих масштабность, протяженность, беспредельную широту, – категорий, являющихся, как известно, доминирующими в представлении русского пейзажа [20]. Один из множества примеров: «Глаза теряются, а зрение оказывается недостаточным инструментом, чтобы охватить необъятное»¹⁹. В контексте определения сибирского пространства отмеченные особенности подчеркивают тот масштаб – идеальный, воображаемый, мифический, что продолжает питать фантазии путешественника и по окончании путешествия. Кстати, по мнению большинства авторов, Сибирь не является ни Европой, ни Азией: «...это место духа; это Сибирь – да и только, она отвергает любую отнесенность или любую этикетку; это само

¹³Buffa M. Op. cit. P. 9; Gatti D. Op. cit. P. 12; Pellegrino A.M. Op. cit. P. 97.

¹⁴Buffa M. Op. cit. P. 165–166.

¹⁵Ibid.

¹⁶Morra M. Op. cit. P. 28; Buffa M. Op. cit. P. 11–12, 79. В создание идеального контекста – для передачи атмосферы и состояния – вносит свою лепту и преодоление привычного восприятия времени в процессе самого путешествия: постоянное нахождение в пути и в ситуации смены часовых поясов приводит к ощущению, «как если бы времени не существовало». См.: Cagnan P. Op. cit. P. 107.

¹⁷Salvatori N. Op. cit. P. 9.

¹⁸Morra M. Op. cit. P. 9.

¹⁹Di Gangi D. Op. cit. P. 11–12.

по себе стоящее географическое понятие, не зависящее от границ»²⁰.

В соответствии с одной из главных коммуникативных задач литературы о путешествиях в большинстве рассмотренных книг наблюдается стремление авторов достичь максимальной степени объективности в описаниях и применить критический подход к традиционным стереотипам, связанным с образом Сибири. Однако предрассудки и культурные клише по-прежнему представляют собой важный фильтр опыта путешествия, сильно влияя на изложение данного опыта в письменной форме. Факторы, оказывающие на это влияние, на наш взгляд, связаны с культурными барьерами, в т. ч. и лингвистического характера (к редкому, в любом случае – всегда недостаточному, знанию русского языка как основного средства коммуникации добавляется еще и плохая предрасположенность местного населения к общению на английском языке), которые затрудняют как углубленное восприятие сибирской реальности, так и взаимопонимание между путешественниками и местным населением²¹.

Мы приведем пример одного клише, основанного на причудливой этимологии имени «Сибирь», которое было бы равнозначно словосочетанию «спящая страна». Такая интерпретация широко распространена в рассматриваемых нами книгах, однако она не находит подтверждения ни в одной из этимологических гипотез, выдвинутых учеными [21–23]. Образ «спящей Сибири» внушает многим авторам

идею о стране, остановившейся между прошлым, которое, похоже, не хочет полностью покидать ее (речь идет о наследии коммунизма, чьи символы видны повсюду) и все еще неопределенным будущим.

В проанализированных травелогах не раз встречается сравнение Сибири со «спящим мамонтом»²² – в таком изображении идея неограниченных сибирских просторов сочетается с дикими инстинктами гигантского первозданного зверя, грозящего проснуться в любой момент. И этот образный штамп (в других контекстах приписываемый и всей России) можно часто встретить в итальянской прессе и путевых очерках писателей и журналистов, путешествовавших по Советскому Союзу в течение XX века [13, р. 13; 24, р. 20].

Идеи и образы, запечатленные в изображении Сибири и Транссибирской магистрали в исследуемых текстах, имеют близкое сходство со своеобразным мировоззрением и пространственным ощущением, определяющими Сибирский текст русской культуры и литературы. Таким образом, можно констатировать, что последний является тем культурным гумусом, где складываются основополагающие представления о Сибири, обращающие на себя внимание в итальянских травелогах. Наряду с «Сибирским текстом» русской культуры и литературы наблюдается влияние разнообразных источников, среди которых важную роль играют приключенческий роман, журнальная публицистика и путевая проза.

Список литературы

1. Чуркин М.К. Сибирь в «воображаемой географии»: к вопросу о современном научно-исследовательском дискурсе // Вестн. Омск. ун-та. Сер.: Ист. науки. 2014. № 2(2). С. 81–85.
2. Родигина Н.Н. «Другая Россия». Образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в. Новосибирск: НГПУ, 2006. 328 с.

²⁰Salvatori N. Op. cit. P. 30.

²¹Кроме того, определенную роль в этом отношении играют и изоляция, и однообразие долгих дней, проведенных в поезде.

²²Salvatori N. Op. cit. P. 61.

3. Тюпа В.И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибир. филол. журн. 2002. № 1. С. 27–35.
4. Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве: коллектив. моногр. / отв. ред. К.В. Анисимов. Красноярск: Сибир. федер. ун-т, 2010. 237 с.
5. Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск, 2003. URL: <http://rassvet.websib.ru/chapter.htm?no=35> (дата обращения: 04.03.2018).
6. Галимова Е.Ш. К вопросу о методологии исследования локальных (городских и региональных) литературных сверхтекстов (на примере Северного текста русской литературы) // Сибирская идентичность в зеркале литературного текста. Тропы, топосы, жанровые формы XIX–XXI веков / отв. ред. Н.В. Ковтун. М.: Флинта-Наука, 2015. С. 365–380.
7. Анисимов К.В., Разувалова А.И. Два века – две грани сибирского текста: областники vs. «деревенщики» // Вестн. Томск. гос. ун-та. Сер.: Филология. 2014. № 27(1). С. 75–101.
8. Янушкевич А.С. Дихотомия сибирского текста // Евразийский межкультурный диалог: «свое» и «чужое» в национальном самосознании культуры / отв. ред. О.Б. Лебедева. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2007. С. 334–345.
9. De Michelis C.G. Russia e Italia // Storia della civiltà letteraria russa / Diretta da M. Colucci e R. Picchio. 3 voll. Torino: UTET, 1997. Vol. II. P. 689–709.
10. De Michelis C.G. Il «testo russo» nella narrativa italiana del XX secolo // Tor. Slav. Q. 2006. № 17. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/17/michelis17.shtml> (дата обращения: 27.02.2018).
11. Deotto P. In viaggio per realizzare un sogno: L'Italia e il testo italiano nella cultura russa. Trieste: Università degli Studi di Trieste, 2002. 165 p.
12. Диалог культур: «Итальянский текст» в русской литературе и «русский текст» в итальянской литературе: материалы междунар. науч. конф., 9–11 июня 2011 года. М.: Инфотех, 2013. 373 с.
13. Niero A. Siberia, orsi e cosacchi // Salgari E. Un'avventura in Siberia / a cura di C. Gallo e A. Niero. Roma: Voland, 1996. P. 5–20.
14. Gallo C. Emilio Salgari e il paese delle grandi nevi // Salgari E. Un'avventura in Siberia / a cura di C. Gallo e A. Niero. Roma: Voland, 1996. P. 177–195.
15. Wolmar C. To the Edge of the World: The Story of the Trans-Siberian Railway. London: Atlantic Books, 2013. 284 p.
16. Ceserani R. Treni di carta. L'immaginario in ferrovia: L'irruzione del treno nella letteratura moderna. Torino: Bollati Boringhieri, 2002. 310 p.
17. Schivelbusch W. Storia dei viaggi in ferrovia. Torino: Einaudi, 2003. 218 p.
18. Marfè L. Oltre la «fine dei viaggi»: I resoconti dell'altrove nella letteratura contemporanea. Firenze: Leo. S. Olschki, 2009. 224 p.
19. Шачкова В.А. «Путешествие» как жанр художественной литературы: вопросы теории // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер.: Филология. Искусствоведение. 2008. № 3. С. 277–281.
20. Bolshakova L.P. Conceptualization of the Image of Siberia in Contemporary Travel Literature // J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci. 2016. № 9/3. P. 551–558.
21. Baikaloff A.V. Notes on the Origin of the Name “Siberia” // Slavonic East Eur. Rev. 1950. Vol. 29, №. 72. P. 287–289. URL: <http://www.jstor.org/stable/4204202> (дата обращения: 04.03.2018).
22. Бояришинова З.Я. Происхождение и значение термина «Сибирь» // Население Западной Сибири до начала русской колонизации (Виды хозяйственной деятельности и общественный строй местного населения). Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1960. С. 132–148.
23. Воробьева И.А. Язык земли. Новосибирск: Зап.-Сибир. кн. изд-во, 1973. URL: <http://www.libros.am/book/read/id/291381/slug/yazyk-zemli> (дата обращения: 04.03.2018).
24. Nicolai G.M. Sovietlandia. Viaggiatori italiani nell'Unione Sovietica. Roma: Bulzoni, 2009. 458 p.

References

1. Churkin M.K. Sibir' v "voobrazhaemoy geografii": k voprosu o sovremennom nauchno-issledovatel'skom diskurse [Siberia in "Imaginary Geography": The Question of Contemporary Research Discourse]. *Vestnik Omskogo universiteta. Ser.: Istoricheskie nauki*, 2014, no. 2, pp. 81–85.

2. Rodigina N.N. "Drugaya Rossiya". *Obraz Sibiri v russkoy zhurnal'noy presse vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.* ["Other Russia". The Image of Siberia in Russian Magazines in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. Novosibirsk, 2006. 328 p.
3. Тура V.I. Mifologema Sibiri: k voprosu o "sibirskom tekste" russkoy literatury [Mythologeme of Siberia: On the Siberian Text of Russian Literature]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*, 2002, no. 1, pp. 27–35.
4. Anisimov K.V. *Sibirskiy tekst v natsional'nom syuzhetnom prostranstve* [Siberian Text in the National Plot Space]. Krasnoyarsk, 2010. 237 p.
5. Mednis N.E. *Sverkhteksty v russkoy literature* [Supertext in Russian Literature]. Novosibirsk, 2003. Available at: <http://rassvet.websib.ru/chapter.htm?no=35> (accessed 4 March 2018).
6. Galimova E.Sh. K voprosu o metodologii issledovaniya lokal'nykh (gorodskikh i regional'nykh) literaturnykh sverkhstekstov (na primere Severnogo teksta russkoy literatury) [On the Methodology for Studying Local (Urban and Regional) Literary Supertexts (Exemplified by the Northern Text of Russian Literature)]. Kovtun N.V. *Sibirskaya identichnost' v zerkale literaturnogo teksta. Tropy, toposy, zhanrovye formy XIX–XXI vekov* [Siberian Identity in the Mirror of Literary Text. Tropes, Topoi, and Genre Forms of the 19th – 21st Centuries]. Moscow, 2015, pp. 365–380.
7. Anisimov K.V., Razuvalova A.I. Dva veka – dve grani sibirskogo teksta: oblastniki vs. "derevenshchiki" [Two Centuries – Two Versions of the Siberian Text: Regionalists VS. "Village-Prose Writers"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologiya*, 2014, no. 27, pp. 75–101.
8. Yanushkevich A.S. Dikhotomiya sibirskogo teksta [Dichotomy of the Siberian Text]. Lebedeva O.B. (ed.). *Evraziyskiy mezhkul'turnyy dialog: "svoe" i "chuzhoe" v natsional'nom samosoznanii kul'tury* [Eurasian Intercultural Dialogue: "Our" vs "Their" in the National Cultural Self-Consciousness]. Tomsk, 2007, pp. 334–345.
9. De Michelis C.G. Russia e Italia. Colucci M., Picchio R. (eds.). *Storia della civiltà letteraria russa*. Torino, 1997. Vol. 2, pp. 689–709.
10. De Michelis C.G. Il "testo russo" nella narrativa italiana del XX secolo. *Tor. Slav. Q.*, 2006, no. 17. Available at: <http://sites.utoronto.ca/tsq/17/michelis17.shtml> (accessed 27 February 2018).
11. Deotto P. *In viaggio per realizzare un sogno: L'Italia e il testo italiano nella cultura russa*. Trieste, 2002. 165 p.
12. *Dialog kul'tur: "Ital'yanskiy tekst" v russkoy literature i "russkiy tekst" v ital'yanskoy literature* [Dialogue of Cultures: The Italian Text in Russian Literature and the Russian Text in Italian Literature]. Moscow, 2013. 373 p.
13. Niero A. Siberia, orsi e cosacchi. Salgari E. *Un'avventura in Siberia*. Rome, 1996, pp. 5–20.
14. Gallo C. Emilio Salgari e il paese delle grandi nevi. Salgari E. *Un'avventura in Siberia*. Rome, 1996, pp. 177–195.
15. Wolmar C. *To the Edge of the World: The Story of the Trans-Siberian Railway*. London, 2013. 284 p.
16. Ceserani R. *Treni di carta. L'immaginario in ferrovia: L'irruzione del treno nella letteratura moderna*. Torino, 2002. 310 p.
17. Schivelbusch W. *Storia dei viaggi in ferrovia*. Torino, 2003. 218 p.
18. Marfè L. *Oltre la 'fine dei viaggi': I resoconti dell'altrove nella letteratura contemporanea*. Firenze, 2009. 224 p.
19. Shachkova V.A. "Puteshestvie" kak zhanr khudozhestvennoy literatury: voprosy teorii [Travelogue as a Genre of Fiction: Theoretical Issues]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Ser.: Filologiya. Iskusstvovedenie*, 2008, no. 3, pp. 277–281.
20. Bolshakova L.P. Conceptualization of the Image of Siberia in Contemporary Travel Literature. *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci.*, 2016, no. 9/3, pp. 551–558.
21. Baikoff A.V. Notes on the Origin of the Name "Siberia". *Slavonic East Eur. Rev.*, 1950, vol. 29, no. 72, pp. 287–289. Available at: <http://www.jstor.org/stable/4204202> (accessed 4 March 2018).
22. Boyarshinova Z.Ya. Proiskhozhdenie i znachenie termina "Sibir'" [The Origin and Meaning of the Term "Siberia"]. *Naselenie Zapadnoy Sibiri do nachala russkoy kolonizatsii (Vidy khozyaystvennoy deyatel'nosti i obshchestvennyy stroy mestnogo naseleniya)* [Population of Western Siberia Before Russian Colonization (Types of Economic Activity and the Social Structure of the Local Population)]. Tomsk, 1960, pp. 132–148.
23. Vorob'eva I.A. *Yazyk zemli* [The Language of Land]. Novosibirsk, 1973. Available at: <http://www.libros.am/book/read/id/291381/slug/yazyk-zemli> (accessed 4 March 2018).
24. Nicolai G.M. *Sovietlandia. Viaggiatori italiani nell'Unione Sovietica*. Rome, 2009. 458 p.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.5.82

Adalgisa Mingati

University of Trento;

Università degli Studi di Trento, Dipartimento di Lettere e Filosofia, Via Tommaso Gar 14, 38122, Trento, Italy;

e-mail: adalgisa.mingati@unitn.it

**A JOURNEY ON THE TRANS-SIBERIAN RAILWAY:
THE SIBERIAN TEXT IN ITALIAN TRAVEL BOOKS**

In this article, a corpus of nine travel books is examined. These books were written by writers, journalists or ordinary Italian travellers who had taken a trip on the Trans-Siberian Railway between the late 1970s and early 2010s. The analysis, taking into account the main stylistic and compositional parameters pertaining to the travelogue genre, shows that the image of Siberia reflected in these books is greatly influenced by the so-called Siberian mythologeme (V.I. Tyupa), i.e. by all those cultural archetypes and portrayals that were shaped and developed in Russian culture and literature down through the centuries. In addition to frequent references to the works of such Siberian text writers as Dostoevsky, Pasternak, Solzhenitsyn, Shalamov and others, the paper highlights a number of concepts and expressions, and even prejudices and clichés, connected with the perception of Siberian space. In this article, the concept of the Siberian text is applied to Italian literature and culture. Indeed, an important part in developing the ideas about the Siberian region in Italian culture was played by popular science newspapers and magazines of the late 19th and early 20th centuries covering geographical expeditions and journeys to distant lands. Another important source is adventure fiction of the same period: the Siberian Steppe and the variegated landscape of Russia provided an exotic setting for several novels and short stories published in the early 1900s by Emilio Salgari, the most popular and prolific Italian writer in this genre. Lastly, the Siberian text of Italian literature is imbued with the myth of building the Trans-Siberian Railway, which inspired C. Sgorlon to write his novel *Anataj's Shell* (*La conchiglia di Anataj*), based on a true story of the workers from Friuli who had built the Trans-Baikal stretch of this railway.

Keywords: *Italian travelogue, Siberian text of Russian literature, myth about the Trans-Siberian Railway.*

Поступила: 14.03.2018

Принята: 28.06.2018

Received: 14 March 2018

Accepted: 28 June 2018

For citation: Mingati A. A Journey on the Trans-Siberian Railway: The Siberian Text in Italian Travel Books. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2018, no. 5, pp. 82–91. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.5.82